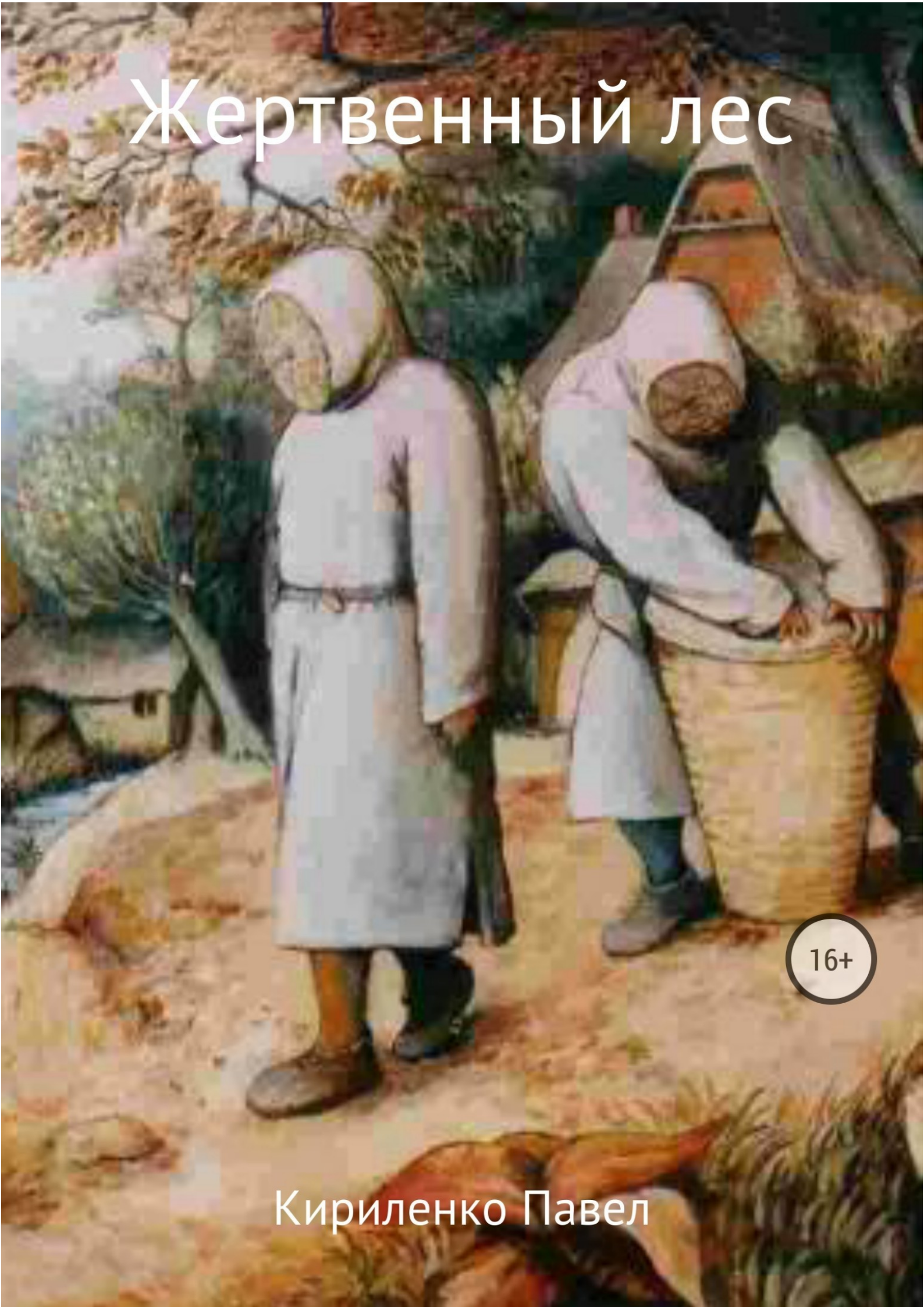

Жертвенный лес

16+

Кириленко Павел

Павел Кириленко
Жертвенный лес

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кириленко П. В.

Жертвенный лес / П. В. Кириленко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Лекарь получает странное письмо из церкви, в котором просят срочно приехать в деревню "Л". Чем дальше повозка увозит героя, тем труднее спрятаться от старых ран. Таинственные исчезновения людей, мрачная церковь посреди пустынной деревни и только один друг, который все меньше доверяет ему. Картина на обложке "Пчеловоды" 1568 г. - Питера Брейгеля Старшего.

Пасека

Пролог

В ночь на 17 октября 17.. года, деревню "Л" потрясло одно страшное событие. Перед самым рассветом по улицам прокатился, порядочный шум и спустя каких-то десять минут все уже были на ногах. Собрались в доме сельского старосты, тем, кому не хватило места, бранились на улице. Когда зевающая толпа, уже изрядно поредев, двинулась по домам, раздалось страшное слово.

– Убили!!!

Эхом прокатившееся слово распространилось с поистине, деревенской быстротой. Стали спорить, высказывать теории о том кто убил, и зачем. Затем, правда, решили отложить мотивы, так как вспомнили, что жертва еще неизвестна.

Наконец двери открылись и вылетевшие гурьбой мужики, только успевали отбиваться от вопросов.

– Сейчас сами все услышите.

Появился староста, прямой как столб, с необыкновенно длинными руками и непокрытой головой. Староста дал понять, что давеча ночью, случилось страшное. Сенька местный житель прибежал к нему и доложил о пропаже, господина Арефьева. Дело было в том, что они с Арефьевым отправились на охоту в лес, за весь день никакой дичи подстрелить не удалось. Не желая возвращаться с пустыми руками, решили заночевать. Поставили силки, устроились на привал, выпили, как полагается и с чистой совестью заснули. Ночью же Сенька был разбужен тем, что слышал крики хозяина. Костер потух, собака жалобно выла где-то в кустах. Когда Сенька поднялся, крики прекратились, он стал громко звать хозяина, но в ответ раздавались лишь крики ночных птиц. Как только он отдалился от привала, раздался душераздирающий вой, он закончился так же неожиданно, как и начался. Сенька сам не свой от страха осматривал окрестность, но гнетущая тишина и пропажа хозяина ужасала его, так что он бросился бежать в деревню.

Трудно описать весь гвалт, что образовался в толпе, одни корили Сеньку за малодушие, другие требовали найти Арефьева. Выбрали охотников и вместе со старостой отправились на поиски. Уехали на рассвете воротились лишь под вечер. На телеге старосты лежало тело, прикрытое шубой так, что невозможно было разглядеть лица. Зато хорошо виднелись бурые пятна, сползающие на ноги, и теряющиеся в сапогах. Ноги мертвеца мерно подбрасывало на ухабах, и тут когда телегу подбросило больше обычного, шуба сползла вниз. Удивленные мужики тут же отпрянули, увидев мертвое, расцарапанное лицо, с открытым почерневшим ртом. Староста, заметив это, натянул шубу, повыше и приказал разойтись.

Выяснилось, что Арефьева нашли мертвым в волчьей яме, буквально в сотне метров от привала. Тело было усеяно сквозными ранами, от кольев в ловушке. Так же на левой ноге болтался заячий капкан. Труп обнаружил лесничий, отправившийся на поиски вместе с группой. По его рассказу волчья яма была без каких-либо меток, так что неудивительно, что в нее попал человек. Когда лесничий приблизился к ней и заглянул внутрь, оттуда выпорхнуло сразу несколько ворон. Картина была жуткая, птицы не успели насладиться пиром, но следы оставили. Так же около места смерти, в стволе дерева торчал охотничий нож, перевязанный белой окровавленной тряпкой.

Протрезвевший Сенька, посмотрев на хозяина, завыл от горя. Когда страсти поутихли, староста собрал совет. Стали обсуждать детали, склонялись к тому, что пьяный Арефьев встал

среди ночи, пошел проверять силки, заблудился, угодил в капкан и свалился в яму. Глупая, бесславная смерть, но ничего не поделаешь.

Но тут лесничий вспомнил о ноже, стали спрашивать чей? Сенька, несмотря на ошалелый вид, отрицал, что нож Арефьева. Говорит, что у хозяина нож был всегда при себе, за поясом. Мертвеца обыскали и нашли охотничий кинжал с расписной рукоятью. Найденный лесничим нож, был весь в щербинах, с износившейся рукоятью, явно служивший для самой грязной работы.

Тогда лесничий высказал свою версию, он поведал о живущем в его лесу отшельнике. А именно о пасечнике, который несколько лет назад потерял семью, и пропал.

– Так вот, он в лесу.

Удивленные неожиданной вестью мужики, не хотели этому верить.

– Как? В лесу живет, два года?

– Живет, отвечал лесничий. Видал его землянку весной, страшный человек. Поводился одно время мои припасы таскать, но я угостил его дробью. С этих пор его не видал, но землянка все там же.

– А что же ты, не прогнал его оттуда?

– А что мне прогонять? Меня больше не трогает, избушка моя далеко от его жилища. Да и не хочется мне в нору лезть, мало ли что за существо.

Спросили о волчьей яме, не видал ли он еще такой? Но лесничий отрицательно качал головой, говоря, что она свежая.

– Выкопали недавно совсем, земля еще засохнуть не успела.

– Неспроста нож тряпкой обвязан. Посетовал староста.

– Мечь! Раздалось несколько уверенных голосов.

Староста смерил присутствующих тяжелым взглядом и произнес.

– Откуда он знать мог? Быть может, оголодал совсем, да охотится, а вы мечь, мечь.

Решено было отправиться к пасечнику, мужики в один голос загалдели что, мол, нужно наказать, за убийство. К сожалению нельзя сказать, что кто-то кроме старосты возражал, а если и нашлись такие, то слышно их в общей суматохе не было.

Надо уделить некоторое время несчастному, прежде чем судьба настигнет его.

Пасечник

Десять лет назад заезжий немец рассорился с одним нашим помещиком. Вест сыр-бор был в участке земли, на которой первый разбил пасеку. Помещик желал выкупить землю, и предлагал так мало, что продать ее было бы преступлением. Немец заупрямился и наотрез отказался, нужно было кормить жену и только что родившегося сына. Помещик же затаил обиду и начал натравливать на него мужиков, чего только не было. Разоряли улья, били окна, воровали мед, оскорбляли последними словами. Немец держался, пока местные покупали мед, но настала пора, когда с ним уже не желали связываться. Тогда он вынужден был объезжать близлежащие села в поисках скупщиков. Власть помещика была велика, если поначалу пасечнику удавалось получать какой-то доход, то в конце он приезжал ни с чем.

Помещик обратился с новым предложением, которое отличалось от первого еще более низкой ценой, но пасечник вновь отказался вновь. Пасечник стал отлучаться все дальше и дальше, уезжая уже на несколько дней. Жизнь стала налаживаться, и такие перемены злили помещика все сильнее и сильнее. Он пустил слухи о происхождении немца, который, несмотря на свой упрямый характер, был незлобивым человеком. Внешне производя двойное впечатление, он умел расположить к себе, даже несмотря на врожденную хромоту и забавный акцент.

Жители поддались на слухи и теперь не только немцу, но и его жене не было житья. Дошло до того что та запиралась в доме и до приезда мужа не выходила.

Однажды немец отлучился на более поздний срок, и в его отсутствие в доме случился пожар. Глубокой ночью дом занялся сильным пламенем и, несмотря на все попытки местных остановить пожар сгорел дотла. Останков тел найдено не было, пожар уничтожил жилище, не тронув пасеку. Когда пасечник вернулся, пепел уже остыл и трудно описать, то, что творилось у него на душе. Оплакивая семью, он отправился к помещику, но тот не принял его, тогда он стал всюду обвинять последнего в поджоге дома. В ту же ночь обезумевший от горя пасечник попытался сжечь его усадьбу, но собаки подняли такой лай, что его схватили и избili. На следующее утро устроили показательный суд, где полумертвому немцу отрезали язык за «лживые обвинения». Пасека перешла в руки помещика, забрали все даже вырученные деньги и клячу с телегой.

Первое время пасечник бродил вдоль домов, выпрашивая на пропитание преимущественно по вечерам. Однажды он проник в сарай и украл яйца, хозяин пожаловался помещику и тот разрешил спускать, собак всякий раз как увидят пасечника. Затравленный немец больше не появлялся в деревне и сгинул как страшный сон. Но маленьким детям еще долго грозили пасечником, который приходит ночью просить еды, и берет все, что протягивают в окно даже непослушных детей.

Помещик умер прошлой зимой, пьяным возвращаясь в свои владения сани, перевернулись, задавив несчастного. Кучер, крепко ударившись головой, выжил, но сделался слабоумным. По весне из города приехал сын помещика Арефьев незамедлительно принявшийся кутить, растрачивая имущество отца.

Болото

Измотанные поисками Арефьева мужики приняли решение разбиться на две группы, взять собак и не распространяться о цели похода. Слух о вернувшемся сумасшедшем вызовет только ненужные беспокойства. Лесничий настоял, чтобы псов не брали, так как те могут спугнуть пасечника, и отправиться глубокой ночью.

– Он в лесу не первый год, а попался мне на глаза лишь раз. Придем ночью, когда холод загонит его в землянку. Староста согласился и приказал готовиться к вылазке.

Углубляясь в чащу, мстительное настроение сменялось состоянием безотчетной тревоги. Предстояло встретиться всего лишь с хромым, безумным отшельником, но чувство страха преобладало над разумом. Пошли разговоры о том, что нужно было взять собак, натравить при случае не изматывая себя долгим переходом. Но староста пользующийся доверием пресекал все разногласия, наконец, лесничий дал знак что пришли.

Никакой перемены местности будто бы не произошло, темные силуэты могучих деревьев окружали путников. Пара десятков глаз впивались в каждый куст, перед ними сияясь разглядеть землянку.

Лесничий направился, вперед веля остальным не двигаться, его движения были плавные и беззвучные. Взобравшись на небольшой холмик, он припал к земле и замер. Махнул рукой и тут же остальные, пригибаясь к земле, двинулись к нему. Приложив палец к губам, лесничий кивнул вперед прошептал.

– Идёт!

Мужики, устроившись за холмиком, привстали, чтобы разглядеть пасечника. Впереди тянулась прогалина, уходящая в широкое болото, на котором тонким слоем лежал туман. Вдруг вдали показалась фигура, медленно приближающаяся к ним. Странное существо подходило все ближе и ближе, что-то противоестественное было в его движении. Оно опиралось на длинный шест, передвигаясь рывками, словно скользило по замерзшему льду. Туман рассеивался,

обнажая клочки земли, на которых виднелись бледные огоньки. Будто из-под земли торчали руки, державшие свечки, освещавшие ему путь.

Паника овладела мужиками, лесничий сам не свой схватился за нож. Тем временем пасечник приблизился, воткнул шест глубоко в землю и вышел на берег. Тогда то и вспомнили что он хромой, без шеста тот передвигался гораздо медленнее.

Одетый в серую облезлую шкуру тот представлял собой одновременно страшный и нелепый вид. Тяжелой походкой хромая на левую ногу, пасечник направился прямо к холмику, наверняка там находилась землянка. Из-под старой намокшей шляпы свисали пряди сальных волос. Лица рассмотреть не удавалось из-за низко свисающих волос, под которыми прятались черные глазницы. Пасечник, тяжело дыша, нес за спиной туго набитый мешок.

Все ждали затаив дыхание, вдруг один из нас закричал страшным голосом.

– Стой дьявол!

Пасечник тут же пригнулся, озираясь по-звериному, и с невероятной ловкостью побежал в сторону землянки. Хромота делала бег еще более нелепым, тем не менее, спустя несколько мгновений он скрылся из виду. Землянка как оказалась, была с другой стороны холмика. Мужики с криками поднялись и принялись палить ему вслед. Разгоряченные стрельбой они шумели как дикари, вокруг еще слышались эхо выстрелов, и птичий гай, когда староста велел успокоиться.

– В нору залез, ты смотри! Думает, уйдет собака.

– Выкурим его сейчас же, дьявол его возьми.

Лесничий, дождавшись тишины, посоветовал уговорить пасечника выйти самому.

– Послушает он тебя, жди больше. Рассмеялись мужики.

Лесничий, подойдя к низкому входу, стал кричать, стучать в дверь, но ничего не вышло. Тогда он, вдруг прислушавшись, устремился в сторону. Охотники ринулись за ним. Он обежал холм с другой стороны и накинулся на убежавшего пасечника. Осознав, что попался, пасечник лихо развернулся и ударил его камнем в лицо. Удар был так силен, что мы слышали приглушенный хруст костей. Лесничий упал как подкошенный, на него камнем обрушилась фигура пасечника, вцепившись в горло.

Несколько тяжелых сапогов обрушились на голову этого поистине нечеловеческого существа, но он так и не отпустил горло. Не выдержав несколько ударов прикладами его тело наконец-то обмякло и свалилось.

Кое-как разжав его стальные пальцы, мужики принялись трясти лесничего, но все было кончено. Казалось, он умер еще от удара, не успев свалиться на землю.

– Связать его! Распорядился староста.

Связанного пленника привели в чувство, тот спокойно лежал, взирая на охотников затравленным взглядом.

– Ты яму вырыл? Осведомился староста. На это пасечник, широко ослабившись, кивнул головой.

– Значит, ты и есть тот самый пасечник. Староста уже не спрашивал, а утверждал. Арэфьева ты убил? На это пасечник злорадно улыбался и больше не отвечал ничего.

Удивительно сколько времени провело это существо среди болот, живя в холодной землянке. Прошло несколько лет, а оно жило мыслью о мести, скитаясь по лесу. Хромое, немое

создание совершенно одичало в глуши, однако не забыло какво это улыбаться, вспоминая о кровной мести.

– В землянку его, быстро. Скомандовал староста. Подхватив пасечника извивающегося как змея, мужики бросили его связанного на пол. Староста вошел вслед за ними спустя минуту послышался выстрел. Галдящие птицы разом оборвали свои голоса, и над лесом повисла звенящая тишина. Через несколько часов от землянки ничего не осталось, только одинокий холм дымился около болот.

Мужики вернулись в Лычиху мрачные, понуро опустив головы. У лесничего не было семьи, и человека тихо похоронили на сельском кладбище. Избрали нового лесничего, который, отработав полгода сбежал. Следующий работник продержался меньше недели. Ходило много слухов, вокруг должности, которую позже пришлось упразднить. В избушке лесничего было беспокойно, по ночам жалобно выли псы. Скотина захирела, а новый хозяин рассказывал, как каждую ночь кто-то скребся в окно.

– Ни один пёс не залает, хвосты поджимают и к дверям. Выхожу, нет никого, только в избу снова скрежет. Видел, раз как кто-то прижался и смотрел на меня. Глаза страшные сверкают во тьме, я не выдержал и выстрелил. Окно вдребезги, на дворе пусто. И так каждую ночь, будто проклятье черт его дерит. Нет, я больше так не могу.

Заходить глубоко в лес стало опасно, раз в год, несомненно, пропадал заплутавший охотник или грибник.

Удивительно, но ни одного участника похода, через три года не было в живых. Старосту сменили из-за подозрений в воровстве, он запил и стал нелюдим. Осерчав на жителей, он объявил об отъезде, и, собрав вещи, отправился прочь. Утром по улице брела черная лошадь, везущая доверху набитую утварью повозку, только старосты там не было. Это событие расценили как дурное предзнаменование, староста так и не нашелся, сгинув в ночи. Остальные погибли в следующий год, от поножовщины, пьянства, приступов. Девять человек сгинули как один, унеся с собой тайну смерти Арефьева.

Десять лет спустя в Губернии «Д».

Письмо

Засидевшись за письменным столом, до глубокой ночи лекарь усиленно тер свои усталые глаза. Поэтому, когда в дверь постучали, он еще несколько мгновений, рассеяно, моргал. Поздний визит никогда не сулил ничего приятного, часы только что пробили дважды, меньше всего ему хотелось видеть гостей. Стук повторился снова, уже настойчивей. Отперев дверь, он обнаружил за ней своего кучера Якима, вид у того был слегка растерян, в руках было письмо.

Извинившись за поздний визит, тот вручил письмо и удалился. Письмо было оттиснуто крупной красной печатью с церковными символами. В центре располагался крест, вокруг которого умещались миниатюрная церковь, фолиант и иконка. Интерес овладел лекарем настолько, что тот позабыл о сне. Аккуратно вскрыв конверт, он принялся жадно читать написанный текст. Бегло прочитав содержание письма, лекарь остановился, дойдя до самого неприятного места.

– Приезжайте, как можно быстрее. Прошептал он, таким тоном словно получил упоминание о долгах.

Отложив письмо, лекарь начал приготовления к отъезду, дорога была неблизкой, поэтому стоило поторопиться.

Поручив кучеру подготовить к утру повозку тот собирал свой чемоданчик с медицинскими принадлежностями. Выехать, однако же, удалось лишь к полудню, так как некоторые обязанности отняли драгоценное время. Уведомив жителей об отъезде, лекарь назначил своего помощника заглавного. Волноваться не приходилось, путь займет примерно полдня, разберусь с поручением, и двинемся обратно. Отвечая на вопрос кучера, надолго ли уезжаем, лекарь ответил.

– Управимся за пару дней, подышим деревенским воздухом и назад.

Услышав это, кучер заметно повеселел и погнал лошадей. Сколько уже исколесили мы уездов и губерний, сколько еще предстоит? Уже и не помню, когда он поступил ко мне на службу? Возможно, его отдали мне вместе с должностью.

Путь в Лычиху

Покачиваясь в повозке и предаваясь сладким грезам, я обменивался мыслями с Якимом, который всегда был рад поддержать разговор. Яким был немолод, однако моложе меня на десять лет, чернобровый с шапкой вьющихся волос, он немного походил на казака. Любил длинные поездки, дорожные истории, а больше всего охоту. Оттого он и сейчас поглядывал каждый раз, на новое ружье которым я его щедро снабдил. Путь наш лежал неблизкий, на дорогах было полно разбойников, а излишняя осторожность не навредит.

Но кучер относился к таким мыслям несерьезно, говоря только о своей меткости. Бросив объяснения, я наблюдал за тем, как городок удаляется от нас, с ним были только приятные впечатления. Клиенты были высшей пробы, высокопоставленные, знали, зачем шли и почти не жаловались. После грязной работы в военно-полевых госпиталях, после не самого лучшего опыта, полученного в столице, консультации и выписывание лекарств были благим делом. За три года, я добился хорошего жалования, поощряемого щедрыми подарками от чутких пациентов.

Тем не менее, засыпая после долгих рабочих часов, меня посещали тоскливые мысли, так путник, застигнутый врасплох непогодой, вспоминает о своем доме. Для меня домом было врачебное дело, в юности пленившись сим искусством, я был подобен, горящему факелу. Шел напролом невзирая ни на что, слишком тяжело было детство, чтобы думать о других. Далеко не без удачи получив достойное образование моя увлекательная карьера, принесла меня на войну. Где все, полученное на учебе, я скостил до функций костоправа-мясника. Часто перебираясь из одного госпиталя в другой, видя новое измученное лицо солдата внутри что-то надламывалось. Вскоре мои руки стали дрожать, однако выдержка осталась при мне, известие о том, что мою кандидатуру рассмотрели одной из первых, не из-за заслуг, а только от нехватки рабочих рук я принял сдержанно. Удивительным образом война влияет на людей, делая их под стать холодной стали пушек, действующими строго по назначению. Возможно, оттого и терпит род людской столько войн на своей шкуре, приспособляясь к свистящим снарядам, к истерзанным телам. Ведь терпеть такое при аналитическом складе ума невозможно, вот машина войны и подтачивает участников под нужные формы.

Выехав на большую дорогу, Яким все больше гнал лошадей, леса все быстрее проносились мимо. Чарующие своей желто-красной листвой, деревья распускали ветви так широко, будто держались за своих собратьев. Чем дальше мы отъезжали, тем меньше становилось тех могучих воинов готовых выстоять, страшную русскую зиму так же вместе держась за руки.

Наступило время выцветших трав на обширных пустошах, необыкновенно трогательный своим одиночеством край. Мелкая поросль обрамляла одинокие холмы, рекой проносилась дальше, одаривая долину своими побегами. После пустошей шла угрюмая болотистая местность, забиравшая солнечный свет в свои мертвенные воды, и словно стыдясь, обнажая крохотные участки почвы. Темнело теперь стремительно, ехали мы уже около пяти часов, к этому времени набежали тучи и следовали за нами, как верный пес. От непогоды в пути всегда возникало чувство тревоги, поэтому занавесив окно повозки, я задремал.

Проснулся оттого, что мы остановились, снаружи было сыро и холодно, выглянув из окна, я почувствовал, как бушует непогода. Тяжелые капли дождя, подгоняемые ледяным ветром, не позволили мне разглядеть ничего кроме темного силуэта подле нашей упряжки.

– Яким! Что там такое? Настороженно поинтересовался я.

Кучер ответил, что нам предлагают купить мед. Я с интересом выглянул еще раз, пытаюсь понять, кто же торгует в такой час, но так ничего и не разглядел. До меня доносились лишь обрывки фраз, из которых я понял следующее. Торговец медом нагло предлагал попробовать горшочек на вкус, получив невежливый отказ, и не думал уходить, будто выжидая чего-то, мне это не нравилось; был бы день и знакомая местность другое дело. Но сейчас поздний час, до места назначения еще нужно добраться, а на дорогах в наше время неспокойно.

– Яким! Возьми, и поехали дальше, будет, чем хозяев попотчевать.

Кучер нехотя повиновался, достал из своих бездонных карманов, монету и опустил в открытую ладонь торговца. Тот взял, расстался с горшочком, посмотрел в мою сторону, поклонился. Лица я заметить не успел, фонарь Якима уже переместился на свое место. Торговец удалился к повозке, а я, проезжая мимо все смотрел тому вслед. Тот не трогался с места, а сидел неподвижно, будто ждал чего-то. Когда мы отъехали на почтительное расстояние я отругал Якима за то, что, тот останавливается на дороге, перед всяким встречным.

– Яким, тебе твоя служба ежели дорога, а главное шея. Будь добр, больше не останавливайся на большой дороге.

– Так, а что господин у меня и ружьишко есть теперь. Грех им не воспользоваться.

– Ружье для крайнего случая.

– Кто же знает, когда он крайним станет?

– Если перед каждым будешь останавливаться, то ни до какой Лычихи не доедем.

– Да вот же она! Весело прикрикнул кучер

И правда, выглянув из окна, я увидел огни, и на душе стало спокойней. Прибыв в Лычиху мы сносно расположились в доме у приказчика. Я поинтересовался про местные порядки, и вручил горшочек меду хозяину. Тот, улыбнувшись, как будто стал еще шире в лице и бережно поставил горшочек на стол, приговаривая слова благодарности. Тут же за его спиной появилась дородная баба с заспанным лицом, на которую тот сейчас же стал кричать, веля соорудить стол.

– Вот и славно пропел я, совершенно позабыв про цель приезда, наслаждаясь семейной идиллией. Попросив показать комнаты, я велел накормить лошадей и отправился подготовить медикаменты. Устроившись в комнатах, мы еще обсуждали с Якимом ночного торговца. Яким сказал, что тот ему не понравился сразу, так как смотрел в глаза и ехидно так скалился. Да, чего только не встретишь на дороге.

Спустя некоторое время приказчик, справившись о нашем расположении, доложил, что в церкви меня уже ждут.

Оставив Якима ухаживать за лошадьми и приказав выспаться, я пересел в бричку приказчика, и мы тронулись в путь. Дома были разбросаны по всей округе, в некоторых еще горел свет и на меня после долгой поездки, повеяло уютом. Приказчик походил на высунувшегося из норки крота, который озирается вокруг, словно не может насмотреться на мир. Расспрашивая приказчика, я узнал мало, однако же, мое сравнение с кротом оказалось точным.

– Живу своей горькой долей господин, шею не разгибаю все над бумагами да расчетами корплю. Поговаривает моя дражайшая супруга, что давеча беспокойно у нас. А я вам вот что скажу, все от причуд и лени. Хоть бы делом, каким занялась, кроме кушаний ничем себя не отягощает, да и то господин запоздало бывает, приносит. Приходится напоминать ей богу все от лени.

Павел Семенович все говорил, так тихо, что цокот копыт порой заглушал его голос, но это ничуть не смущало его. Я узнал, что он служит приказчиком совсем недавно, купец оставил его на хозяйстве, а сам уехал зимовать в город. Говоря это, Павел Семенович чрезвычайно гордился тем фактом, что сейчас он главный в доме. Человек жил в некой своей идиллии, которую не могло ничего нарушить. Даже отвечая о происшествии, тон его остался неизменным.

– Вы знаете, зачем меня вызвали?

– А как же, говорят звонарю совсем худо господин. Вот вы только войдете, вам все расскажут.

На окраине деревни нас ждала церковь. Массивное, высокое здание, залитое темнотой, выглядело настолько нелепым в этой глуши, что я подумал о темнице. Вокруг было пусто, ни деревьев, ни частокола только голая земля. Войдя в церковь, я заметил, что приказчик остался у дверей, и входить не желает. Было очень темно, насилиу найдя тяжелую дверь я очутился внутри. У алтаря стояла согбенная фигура, читавшая молитву, спустя минуту, из церковной ниши показался священник, приблизился, обменялся с фигурой несколькими фразами, и та направилась к выходу. Проходя мимо оказалось, что это женщина, в черном платке, скрывающем лицо. Тем временем священник направился ко мне и тепло, встретив, повел меня к себе. Очутившись в его покоях меня, ввели в курс дела.

– Слава Богу, что вы явились вовремя, сейчас он уснул, но перед вашим приездом кричал, так что Боже сохрани.

– Проводите меня к нему.

Священник указал мне путь, и мы двинулись к больному, я шел по коридору и вспоминал тот период детства, когда часто ходил в церковь с родителем. Церковь была хилой, не в пример этой невесте как занесенной в деревню. Тогда мне очень нравились расписные иконы, фрески, на само богослужение я обращал мало внимания. В один момент все закончилось, мы уехали на другой край России и церковь вышла из моей жизни, не оставив ничего кроме воспоминаний.

Священник скользнул в темный проем и пропал из виду, насилу догнав, его я застал его стоящим у постели больного. Беззвучно шевеля губами, он молился за несчастного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.